

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СТИЛИЗОВАННЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Л. И. Байкова, В. В. Казнин

В стилистике сложного предложения актуально изучение экспрессивных возможностей различных типов конструкций. Бесспорный интерес в этом плане представляют конструкции полипредикативные (из трех и более предикативных единиц - ПЕ).

Основная задача статьи - отметить признаки экспрессивности в стилизованных полипредикативных построениях русской художественной прозы.

Оговорим принятое понимание стилизации, экспрессивности, а далее охарактеризуем выделяемые группы конструкций.

Под стилизацией вслед за А. И. Ефиновым понимаем "переклечение автора на стилистическую систему, типичную для людей определенной социальной среды и эпохи".¹ Разговорно-стилизованную конструкцию определяем как элемент художественного текста, воспроизводящий особенность разговорной речи и "имеющий типовой стилистическое значение имитируемой сферы речевого общения".² В нашем материале широко отражены такие разговорные особенности, как наложение, незамещение, вклинивание, несколько уже - конструкции добавления и некоторые другие.

Кроме наименования "стилизация", взаимодействие художественной и непосредственной разговорной речи характеризуют и иными обозначениями ("переработка" разговорной речи, представление, воспроизведение, имитация, типизация). При этом иногда подчеркивается: "Речь персонажей художественного произведения является не фотографией естественной разговорной речи и не стилизацией ее, а типизацией".³

Подобные различия в подходах представляются скорее взаимодополняющими, чем взаимоисключающими. Цель стилизации - воспроизведение особенностей той или иной стилистической сферы. Типизация же (по Т. В. Лигуте, отбор наиболее характерных признаков) - способ суммирования стилизации.

Обратимся к понятиям экспрессии и экспрессивности. Они истолковываются более разноречиво. На основе положений В. К. Харченко "под экспрессией понимается заведомое смещение каких-либо стандартов, закрепленное в языке или возникающее в речи".⁴

Экспрессия и экспрессивность терминологически почти не размежевываются. Чаще понятие экспрессивности имплицитно обнаруживается в сочетаниях типа "экспрессивные средства", "экспрессивная лексика" - они толкуются как средства, несущие экспрессию. Это дает основание признавать экспрессивность свойством в отличие от экспрессии - качества единицы, связанного со смещением стандартов.

Обратимся к группировке материала, опираясь на классификационный признак "способ выражения экспрессии". Как указывает Н. И. Формановская, "формальное устройство экспрессивных сложных предложений (...) складывается из трех групп признаков: 1. Предложения, в которых экспрессия задается стилистическим элементом. 2. Предложения, в которых экспрессия создается особым взаиморасположением элементов, архитектурной структуры (...). 3. Предложения, в которых экспрессия создается подчеркнутой ритмомелодической структурой".⁵

Рассмотрим первую группу, где экспрессия связана со стилистическим элементом - с определенным замещением, наполнением позиций. В полипредикативных конструкциях разговорное "смещение" проявляется в трех основных особенностях наполнения позиций: расширении их сочетаемости, в особенностях замещения и в явлении прерванности. Соответственно различаются три подгруппы случаев.

Коснемся 1-й подгруппы - расширения сочетаемости в полипредикативном построении. Расширение может определяться количественными или качественными признаками. Увеличение объема построения до девяти и более ПЕ - одна из тенденций разговорного синтаксиса. Такое образование отличается специфическими связями частей, противопоставляется полипредикативным конструкциям кодифицированного языка, например, периоду, и именуется цепочкой, комплексом, соположением единиц. При стилизации подобные объединения дают широкие возможности комбинировать ПЕ различной семантической структуры, целеустановки. Связь между этими ПЕ гораздо теснее, разветвленнее и иерархичнее, чем между самостоятельными предложениями. Так передается, например, единство фрагментов сложной ситуации и ее преломления в сознании. Показательно описание в повести В. Ерашова "Там, где рычит река" (ребенок, чуть не утонувший в реке, спасающие его взрослые и потрясенная этой картиной женщина-повествователь). Оно включает 56 ПЕ, (см. отрывок: ... почему Степашка мчится, когда ему надо стоять, почему его не догонит Наталья Александровна, ... почему, господи, я сижу, встань, беги туда, (...)) как хорошо, что у нас нет ребенка). Тесная связь ПЕ, их взаимопереходы оказываются одним из средств речевой характеристики эмоциональной рассказчицы.

В данной же, первой, подгруппе расширение сочетаемости может носить и чисто качественный характер. Ин многообразных разновидностей укажем две: расширение, связанное с предикативными категориями (модально-временной план и персонализация), и снятие ограничений в лексико-синтаксической сочетаемости.

Расширение сочетаемости предикативных значений иллюстрирует конструкция, в которой одна из придаточных имеет относительный модальный план ирреальности - побуждения. Побуждение обращено к 1-му лицу, самому говорящему, и при этом ряд придаточных прикреплен к главному союзом ЧТО, выражающим значение реальности: Где это сказано, что буржуа - человек, а я пошла вон! (Ю. Герман. Я отвечаю за все). Такое нестандартное взаимодействие семантики реальности и ирреальности складывается только на базе полипредикативной конструкции. Ср. также сочленение разных временных и субъектных планов повествования (зна-

чение настоящего в последней ПЕ относится к одному временному плану, а в предыдущих - к другому, отстоящему от него на 55 лет (... хорошо помню эту зиму, бумажки, жалобы, стрельба, плачущие старухи, мы, мелкие торговцы со столиков на бульваре, смеем заявить, что мы не спекулянты, а что купили, то у нас на столе..., бросаю все, мчусь в станицу Михайлинскую... я сажусь в снег, остальное неинтересно, разве эта сухая, гнутая старушка - она (Ася)? (Ю. Трифонов. Старик; фрагмент построения из 31 ПЕ).

Расширение лексико-синтаксической сочетаемости проявляется разнообразно. Проиллюстрируем один из случаев - соединение неитеративных (несовместимых) ПЕ: *И именно эта-то неуклюжая хитрость больше всего и взбесила его* (Лукашина) *сейчас. Так взбесила, что в кармане ватника карандаш попался - в куски изломал* (Ф. Абрамов. Братья и сестры). Первые две ПЕ сами по себе не итеративны. Отсюда эффект эмоциональной крутизны (термин В. В. Виноградова) при разворачивании построения. Только последняя ПЕ скрепляет конструкцию в единство (они вместе со второй ПЕ подчиняются главной части как комплекс). Условием для экспрессии здесь также оказывается полипредикативность.

Представляет интерес и экспрессия, вызванная наполнением главной ПЕ в конструкциях с приоднокомпонентным соподчинением. Она ярко выражена строениями с такими ПЕ₁, как *не беда, красота, ужас, молодец* и др.: *Хотя работа только началась, молодец, что он приехал* (подчиняющая единица - одно слово, являющееся единственным главным членом, совмещает в себе признаки и подлежащего, и сказуемого). В качестве строительного материала такой однокомпонентной подчиняющей единицы выступают определенные классы слов. Это, во-первых, имена существительные а) со значением оценки лица: *умница, чудаки, дурак*; б) со значением оценки ситуации, предмета, явления, поступка, высказывания: *беда, комар, ужас, грех, красота, прелесть, вздор, стыд*. - *Хотя мы были готовы, стыд, что нам пришлось пережить это!* Во-вторых, это предикативы с положительной оценкой (*хорошо, прекрасно, чудесно, отлично, сногсшибательно, дивно, грандиозно, здорово* и т. д.) и отрицательной оценкой (*гадко, плохо, ужасно, страшно, противно, чудовищно* и т. д.): *Так как мы не были к этому готовы, хорошо, что он ничего не узнал* (В. Дунинцев. Белые одежды).

Обе эти разновидности эмоционально-оценочных ПЕ в составе полипредикативного предложения указанного типа могут распространяться за счет особых интенсификаторов экспрессии. Это местоимения (*какой, такой*), эмоционально-экспрессивные частицы (*что за, вот, ну и, прямо, просто*), прилагательные (*ужасный, настоящий, удивительный* и др.). Эти слова уже не имеют реального предметно-логического значения: *Когда прорвало плотину, просто чудо, что никто не пострадал.* (Из газет).

Экспрессию лутаницы (Б.В. Томашевский) усматриваем в мере, где ПЕ, формально связанные отношениями аналогичности, наполнены взаимоисключающими содержаниями: *Скорей, скорей! полна квартира народу... никого нет* (И. Шмелев. Человек из ресторана). В контексте проясняется невербализованное содержание последней ПЕ: "никого из родных нет". Ср. также экспрессию

противоречий в "Письме к ученому соседу" А. П. Чехова - также на основе полипредикативных моделей.

Приведенный пример находится на границе со второй группой случаев. В ней экспрессия связана с незамечением. Отметим лишь те конструкции, где восполнение не является достаточно ясным. Их существование в значительной мере обеспечивается схемной семантикой полипредикативного предложения. Например, в следующем контексте выделенная фраза не вполне понятна собеседнику: *Бедный, бедный Облат... Коммунист! (...) Последнюю крошку отдаст (...) Вылезает на другой день из землянки: Облат - одна голова... - Чего - одна голова? - переспросил Михаил. (...) - Убили, звери. Голову человеку отрубили (Ф. Абрамов. Братья и сестры).*

Насыщение невербализованной семантикой может приводить к значительной емкости фразы. Тогда она служит не только для речевой характеристики, для приема интригующего изложения (как пример выше). Такое незамечение уже не привязано к речевому окружению и обстановке, оно в отрыве от ситуации приобретает обобщающую функцию. Обобщению, опирающемуся на схему полипредикативного построения, лексическое наполнение придает возвышенный (1) либо иронический (2) характер: (1) *Как не пойдешь, когда партия говорит: надо* (Ф. Абрамов. Братья и сестры); (2) *И поднять темпы. Чтоб в руках все горело. Чтоб мы буквально закидали. Чтоб остальные, как говорится, не успевали оттащить* (М. Мишин. Исключения без правил; речь директора на совещании).

Особенность незамечения в полипредикативной конструкции - называние цели однофункциональных ПЕ, в которых названные значения различны и при этом опираются не на конкретный внешний контекст, а на сами вербализованные отрезки: *Лена, плакала, мучилась, обнимала его, шепчала, что никогда, никогда, на всю жизнь* (Ю. Трифонов. Обмен); *Мы... разбежались, уверенные, что ненадолго, что вскоре, что непременно и навсегда* (Ю. Трифонов. Время и место).

Остановимся на третьей подгруппе случаев. Экспрессию здесь порождает прерыв. На фоне предыдущей подгруппы очевидны как принципиальные отличия неполных и прерванных конструкций, так и общие их признаки. Экспрессия прерванных конструкций общеизвестна. Полипредикативные схемы примечательны тем, что создают предпосылки для сочетания разных мотивов прерывания, например, перестройки фразы с самоперебивом. Экспрессия при этом осложняется: *С Пашей мы за этот год так друг к другу притерлись, что если его... если с ним..., - подумал я и тут же заткнул себе глотку: "Не каркай...!"* (В. Богомолов. Момент истины).

Даже при единственном мотиве прерыва многократное прерывание, возможное главным образом при предикативности, повышает экспрессию многозначительного умолчания. (Оно формирует фигуру речи "прекращение", в терминологии М. В. Ломоносова). См.: *Молчать! если ты хоть пикнешь... если кто-нибудь... если я узнаю... Ты у меня и под землей-то места не найдешь* (И. Тургенев. Накануне). Полипредикативность благоприятствует и такому многократному прерыву, который, при крайней неопреде-

ленности невербализованного значения, все-таки способствует экспрессии обобщения - благодаря семантике схемы, условиям употребления: *Матийцев думал: "Мы копаем уголь, чтобы... официанты как угорелые мечутся, чтобы... румыны играют, чтобы... девицы, наконец, гуляют, чтобы..." - все это вместе составляет человеческую культуру* (С. Сергеев-Ценский. Наклонная Елена).

Наиболее примечателен следующий вывод: материал по-разному соотносится с собственно разговорными построениями. Одни разговорно стилизованные конструкции по своему составу тождественны живым разговорным высказываниям, а отличаются от них характером использования - местом в художественной системе. Другие, храня явные приметы разговорности, в то же время преобразены и структурно; их уже поэтому нельзя представить себе в естественной разговорной стихии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 ЕФИМОВ, А. И.: *Стилистика художественной речи*. Москва 1961, с. 54.
- 2 ВИНОКУР, Т. Г.: *Функционально-стилевая имитация разговорной речи в художественном тексте. Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации*. Орджоникидзе 1983, с. 46.
- 3 ЛИГУТА, Т. В.: *Разговорная речь в художественном тексте* (На материале цикла рассказов М. Горького "По Руси"). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рига 1975, с. 159.
- 4 ХАРЧЕНКО, В. К.: *Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как стилистические категории. Стили языка и стили речи как явления функционально-стилевой дифференциации*. Орджоникидзе 1983, с. 20. Ср. замечание Г. Михеля об "эмоциональном отклонении от определенной нормы" как о сущности экспрессивности (Основы теории стиля. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. Москва 1980, с. 277), а также положения в работах Ю. В. Ваникова, С. С. Ермоленко, Л. Х. Лустрэ, В. А. Богдановой.
- 5 ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И.: *Стилистика сложного предложения*. Москва 1978, с. 137-138. В полипредикативных построениях встречается и сочетание трех вышеназванных признаков экспрессивности: "Ну, если баба, так что, а если мужик - все" (И. Грекова. Кафедра). Ср. мнение другого персонажа повести о таких фразах: "...Сколько надо слов, чтобы перевести на стандартный русский сжатую, энергичную фразу Дарьи Степановны, и как это в конце концов получается плохо". На другом материале эту особенность незамеченный отметил Е. Н. ШИРЯЕВ (Русская разговорная речь. Синтаксис. Москва 1981, с. 207). Можно предположить, что полипредикативная конст-

рукция способна оказаться местом "схождения пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции" (АРНОЛЬД, И. В.: *Стилистика декодирования*. Ленинград 1974, с. 45. Автор определяет такую способность у тех или иных отрезков текста).

Так, одна из функций разговорных элементов заключается в том, что они "являются источником разнообразных комических эффектов" (ДЕРЕСКУ, П. С.: *Стилистическая роль устно-разговорных элементов в языке художественной литературы*. Автореферат КД, Кишинев 1986, с. 8). В рассматриваемых построениях эта функция возникает при интеграции таких приемов, как умолчание, неитеративное наполнение ("синтаксический оксюморон") и некоторых других. Можно указать на так называемое языковое предпочтение - неравномерное отражение художниками отдельных групп рассматриваемых конструкций. Например, для одной линии (Г. Успенский. - И. Шмелев. - С. Сергеев-Ценский. - Ф. Абрамов...) характерно такое преломление разговорной стихии, как обилие фраз с повышенной емкостью невербализованной семантики. Другая традиция в отражении разговорных конструкций - нагнетание объемных построений из 9 и более ПЕ.